

ЛУЛИ ТАНЦУ

в 45
РАЗВОД
КАК В ЖИЗНИ

Лули Тан

Развод в 45. Как в жизни

«Литнет»

2025

Тан Л.

Развод в 45. Как в жизни / Л. Тан — «Литнет», 2025

Мне 45, я хорошо выгляжу, у нас с мужем все прекрасно. 25 лет в браке. Так я думала до недавнего времени, пока не обнаружила его в ванной в щекотливой ситуации, во всю глазеющего на вебкамщицу в телефоне. Моя лучшая подруга уверяет, что в этом нет ничего ужасного, вот только я уверена, что измена в мыслях – это тоже самое, что измена в реальности. Теперь мне предстоит узнать, кто из нас прав и так ли крепка моя семья на самом деле. Убедиться самой, что одна мелкая ложь тянет за собой другую и так до бесконечности, пока все не рассыпается в прах. ✓# ХЭ для героини ✓# Измена ✓# Предательство ✓# Очень эмоционально Книга участвует в Литмобе «Развод в 45»; НЕ ЗАБЫВАЙТЕ ПОДПИСЫВАТЬСЯ НА МОЮ АВТОРСКУЮ СТРАНИЧКУ, ЧТОБЫ ОТСЛЕЖИВАТЬ НОВИНКИ И НОВОСТИ

© Тан Л., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1. Вот, что ты сделал	5
Глава 2. Чистый лист	8
Глава 3. Я тебя слышу	11
Глава 4. Белые розы	15
Глава 5. Счастье в неведении	20
Глава 6. Доверие	24
Глава 7. Еще одна бессонная ночь	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Глава 1. Вот, что ты сделал

Меня разбудил свет от экрана телефона. Муж тут же погасил телефон и сунул его под подушку.

— Гриш, ты чего не спишь? Чего там у тебя?

Я перевернулась на другой бок и подтянула одеяло к носу.

— Не спится, пост в Телеграме читал. Ты спи-спи, Леся...

Гриша нежно обнял меня сзади и поцеловал в затылок. Я улыбнулась и стала проваливаться в сон.

Гриша повернулся на другой бок, и по шуршанию я поняла, что он снова полез под подушку за телефоном.

На этот раз он убавил подсветку, но сон уже не шёл. Я пролежала на боку еще минут пятнадцать в надежде, что меня «выключит».

Гриша откинул одеяло, выбрался из кровати и вышел из комнаты.

Я глянула на время. Три часа ночи. Сон у меня в последнее время тревожный, и вряд ли я теперь усну.

Еще немного поворочалась и все же решила пойти выпить кофе и, раз уж сна мне не видать, немного поработать.

Я надела халатик, взяла ноутбук под мышку и поплелась на кухню.

Я ожидала, что Гриша тоже будет на кухне, но он оказался в ванной. Я прислушалась — шума воды не слышно. Дверь не заперта.

Я потянула дверь на себя и, когда открыла, так и застыла с открытым ртом.

Передо мной открылась просто чудесная картина. Мой муж сидел на краю ванной со спущенными трусами и драчил член, не отрываясь от экрана телефона.

Он старался с таким упоением, что даже не заметил, как я открыла дверь.

Мгновенно, на каком-то порыве я выхватила телефон у него из рук, ожидая, что увижу банальное порно, но не тут-то было.

Во весь экран молодая веб-камщица ублажала себя вибратором, стоя к камере задом.

Она, будто почувствовав, что зритель сменился, повернулась к экрану и улыбнулась. От этой улыбки меня передернуло, будто я за оголенный провод схватилась.

Девке лет двадцать. Белобрысая, накачанные губы — того гляди лопнут, как переспелые помидоры, этот маленький носик — жертва инопланетной хирургии.

Гриша замер и смотрел на меня, сидя на краю ванной и не отпуская члена.

Вся эта картина была настолько отвратительной и сюрреалистичной, что ни он, ни я не знали, как реагировать на происходящее.

Но я оправилась быстро и со всего маху запустила телефон в стену, да так, что только осколки экрана брызнули в стороны.

— Лесь! — Гриша подскочил, натягивая трусы и запихивая в них колом стоявший член.

Первый шок прошел, меня мелко затрясло. В висках застучали молоточки, а губы сами собой сжались в тонкую нитку.

— Леся! Ну, ты чего? — Гриша попытался подойти ко мне.

Я шагнула назад, выходя из ванной.

— Не подходи, слышишь, не вздумай ко мне прикасаться...!

— Зачем ты телефон разбила? Он денег стоит.

Муж нес какую-то чушь.

— Телефон? Ты серьезно сейчас? — Я дёрнулась, вошла на кухню и с силой долбанула по кнопке включения чайника.

— Лесь, ну... ты как-то реагируешь... я не знаю, Лесь...

— Гриш, я прошу тебя, отойди от меня, пожалуйста, не говори ничего, мне даже смотреть на тебя сейчас противно!

Он опустил на стул и попытался взять меня за руку. Я тут же её отдернула.

— Ты можешь меня не трогать? Уйди, пожалуйста...

— Да что я такого сделал? Ну, да, сцена так себе, но ты так реагируешь, будто с бабы меня сняла!

— А ты считаешь, это не то же самое?

— Конечно, нет!

— Тогда что это? — я сложила руки на груди, чтобы он больше не пытался меня коснуться. — Ты прячешься от жены в ванной и дрожишь на какую-то шлюху, это, по-твоему, нормально? Здесь ничего такого, да? То есть мне можно было бы отреагировать, только если бы ты натурально там с какой-то бабой заперся? Что ты несешь вообще? Тебе сколько лет, Гриша? Ты подросток пубертатный, который не в состоянии свой отрок контролировать? Тебе полтинник! Полтинник! Совсем уже?

— Ты преувеличиваешь, Леся...

У меня уже никаких сил не хватало слушать, как он пытается оправдаться. Я подскочила со стула и дернулась, чтобы выйти из кухни.

Гриша тоже поднялся, перегородил мне дорогу и попытался обнять.

— Леся моя, ну чего ты? Ну, бес чего-то попутал, прости меня...

— Отойди...

— Лесь...

— Отойди, я сказала, дай пройти! — рявкнула я.

— Давай поговорим, объясни мне, я не понимаю, объясни, почему ты так реагируешь? Для тебя же не новость, что мужики мастурбируют? Не новость, правда? Тебе тоже не шестнадцать, Леся, тебе сорок пять, если уж ты завела об этом речь. Что тебя так шокировало? Сам факт? Ну, объясни мне, я правда не понимаю.

— Ты дурак, что ли? — не выдержала я.

— Слова выбирай, — нахмурился Гриша.

— А чего мне их выбирать, если ты элементарных вещей не понимаешь? У тебя там даже не порно было. Веб-камщица, черт бы тебя подрал, Зарубин! Ты за это деньги заплатил, это равносильно тому, что я тебя с проституткой застала бы. Или это тоже нормально? Ну, люди же трахаются, да? Что тут такого? Уйди с дороги уже! — закричала я и толкнула его в грудь.

Он, наконец, меня пропустил.

Пропустил-то пропустил, только вот куда мне податься? У нас не дом в три этажа и с кучей комнат, чтобы можно было где-нибудь спрятаться. Трехкомнатная квартира, и, хотя она мне всегда казалась довольно-таки просторной, сейчас мне было в ней тесно.

Мне враз сделалось душно. Я пыталась набрать в легкие воздуха, но все равно никак не могла надышаться.

Я скинула халат, натянула водолазку, джинсовый безразмерный комбез, собрала длинные темные волосы в хвост и уже сунула ноги в кроссовки, когда почувствовала руки мужа на талии.

— Еще раз ко мне прикоснешься, и я за себя не ручаюсь, Гриша. Не трогай меня, я реально за себя не отвечаю. Мне противно, понимаешь ты это или нет.

Все это я сказала, не поворачиваясь к нему. Он убрал руки. Я шагнула за дверь и хлопнула ею так, что в подъезде едва штукатурка со стен не осыпалась.

Я вышла на улицу. На счастье, стояла теплая осенняя ночь. Обида душила меня, крепко схватив за горло.

Я чувствовала именно то, что ему сказала — словно застала его с проституткой. Да, так оно и было. Какая разница — своей рукой он себя ублажал или это делала бы она? Есть в этом какая-то разница?

Но еще больше меня разрывало от того, как все буднично это произошло. Он лежал со мной в постели, и что он там смотрел в телефоне, когда я проснулась? Пост он, мать его, в Телеграме читал, ага, конечно — пост.

И как ни в чем не бывало обнял меня, поцеловал и отправился в ванную наяривать на шлюху.

«*Что я такого сделал?*» — ты спрашиваешь, Гриша? Ты все похерил, доверие, прежде всего.

Вот что ты сделал!

Глава 2. Чистый лист

Что делать и куда идти, я не представляла. Главное — не быть сейчас дома. Не хочу слушать душных речей, каких-то оправданий, увещеваний.

Не удивлюсь, если в конце концов всё сведётся к тому, что я сама себя накрутила и ничего на самом деле не произошло.

А Гриша это умеет. Тихим вкрадчивым голосом, убедительными аргументами так обложит, что проще с ним согласиться, чем спорить.

«*Чёрт! Нужно было взять ноутбук!*» — выругалась я мысленно и потопала обратно в квартиру.

Не знаю почему, но я кралась, как кошка. Аккуратно открыла дверь, на мягких лапах прошла в прихожую, прислушиваясь и чуть ли не принохиваясь.

Вот это и называется — утрата доверия. Враз, мгновенно, как по мановению волшебной палочки — двадцать лет, казалось, безупречного брака коту под хвост.

Как же быстро может рухнуть то, что кажется незыблемым.

Я зашла на кухню. Мой ноутбук так и остался на столе. Схватила его и сунула под мышку.

Из комнаты до меня донёсся голос мужа. «*С кем он разговаривает среди ночи, чёрт бы его подрал?*» — мелькнуло в голове.

Я тихонько прокралась по прихожей и замерла, не входя в комнату. Только глянула. Гриша сидел перед компьютером и с кем-то говорил по видеосвязи. Мне не было видно, с кем. Видимо, телефон я всё же уничтожила.

Слышать, что говорил его собеседник, я не могла — Гриша сидел в наушниках. Камера тоже была выключена. «*Собеседник? Может, собеседница?*» — спросила я мысленно, неведомо кого.

— Да, конечно... — согласился с чем-то Гриша. — Завтра... завтра вряд ли, давай лучше послезавтра?

Голос мужа был слишком сладким.

Я прошла в комнату, выдернула из розетки торчащий в ней зарядник от ноутбука. Схватила свой телефон, который забыла в прошлый раз, и закинула на плечо сумочку.

Гриша заметил краем глаза движение и вздрогнул. Но тут же взял себя в руки. Расслабился, откинулся на спинку компьютерного кресла и слишком уж непринуждённо произнёс:

— Да, Васильевич, договорились...

Только я заметила, что сказал он это, одновременно зажимая на клавиатуре комбинацию клавиш.

И я была почти уверена, что отключил он микрофон прежде, чем произнёс эту фразу.

Гриша закрыл окно программы и нажал «Завершение работы».

— Леся! — услышала я в спину, когда уже выходила из комнаты. — Постой!

Гриша догнал меня уже у двери.

— Леся, ну куда ты среди ночи поплёрлась? Ну, хватит уже чудить, оно того не стоит.

— С кем ты разговаривал? — спросила я, открывая дверь.

— Ты теперь вообще в любом моём движении будешь видеть подвох? Теперь каждый вдох под подозрением? — спросил Гриша и даже деланно нахмурил брови.

— Так с кем?

— Ну, по работе. Ты же разбила телефон, пришлось с компа...

— В четвёртом часу утра? По работе?

— Так надо же было предупредить, что я не на связи. Телефон... забыла?

— Завтра воскресенье, разберёшься с телефоном. Что за срочность?

— Ну, мало ли что? — Гриша пожал плечами.

— Васильевич — это кто? — продолжала я наступать.

— Лесь, да какая разница? Чего ты вцепилась? Ну, начальник производственной лаборатории, тебе это о чём-то говорит?

— И что послезавтра? О чём вы договаривались? — не унималась я.

— Понедельник послезавтра, Лесья, а завтра воскресенье, как ты правильно заметила. Вот в понедельник и нужно нам с ним обсудить рабочие моменты. Прекрати уже подозревать меня. Да, я хрень какую-то сотворил. Всё? На мне теперь крест ставить?

На это я уже ничего не ответила. Крыть мне было нечем. Я даже ни на секунду не усомнилась, что он врёт. Но поймать его за руку сейчас, как поймала в ванной, не получится.

Да, уж, как никогда подходящее выражение — поймала за руку.

Перед глазами снова появилась картинка: мой муж дрожит, пуская слюни на виртуальную шлюху, и меня аж передёрнуло.

Я закрыла за собой дверь, больше не произнесла ни слова, и быстро сбежала по ступенькам вниз.

Напротив, через дорогу, светилась вывеска моей любимой кафешки, где я любила забиться в уголок с ноутбуком, но было ещё слишком рано.

Хотя кто-то в кафешке уже обитал. В зале горел свет. Вот открылась дверь. Уборщик вытащил из уличной мусорной корзины пластиковый пакет, крепко затянул и заменил на свежий.

Я перебежала дорогу под грозный гудок клаксона проносящегося мимо такси.

Уборщик глянул на меня и только покачал головой.

— А если бы сбил? Олеся Витальевна, не бережёте вы себя, — он приветливо улыбнулся мне, несмотря на воспитательную тираду, и сдвинул кепку на макушку.

— Привет, Фазиль, — поздоровалась я.

Меня как завсегдатая кафе — «Библиотечка» — знал весь персонал. А Фазиль, этот улыбчивый, всегда вежливый разнорабочий с почти незаметным среднеазиатским акцентом, так вообще будто взял надо мной негласное шефство.

Он был сильно старше — прилично за шестьдесят, — и относился ко мне так, будто я не сорокапятiletняя дамочка, а взбалмошная девица.

Всё относительно в этом мире. И в глазах других мы те, кто укладывается в их восприятие мира. А восприятие мира зависит, в том числе, и от того, насколько глубоки морщины.

— Фазиль,пустишь меня? — спросила я, когда он управился с мусорной корзиной.

— Конечно, только кухня закрыта ещё, и бар тоже, — он развёл руки в стороны, будто искренне сожалеет о таком недоразумении в четвёртом часу утра.

— Я так посижу, поработаю, — я взглядом показала на ноутбук.

И уже через мгновение я оказалась за моим любимым столом в самом углу, рядом с окном.

На широком подоконнике лежали уютные подушки. Обычно, когда уставала, я перебиралась на подоконник вместе с ногами, снимала обувь, пристраивала под спину подушку и с ноутбуком на коленях могла работать здесь часами.

Так я сейчас и сделала.

Отсюда было видно подъезд моего дома и окна нашей с Гришей квартиры. Я увидела, как погас свет на кухне. Следом — в комнате.

Буквально увидела, как по квартире идёт Гриша и гасит свет. Под сердцем что-то кольнуло. Я выпрямила спину, глубоко вдохнула, выдохнула, зажмурилась до фиолетовых кругов перед глазами, словно пыталась не пустить в сознание прорывающуюся туда мысль: *«Может, ты и правда накрутила себя, Лесья?»*

Я пыталась разобраться по-взрослому — в конце концов, мне сорок пять, а не двадцать. Муж дрожил на другую бабу. Ладно, допустим, это нормально. Только почему же мне так

горько? Я прислушалась к себе и поняла, что вдруг остро чувствую свой возраст. Возраст как приговор для любви, для желания. *Твой поезд ушёл, дай дорогу молодым.* Несмотря на то, что я занимаюсь спортом, у меня отличная подкачанная попа, мне казалось в данный момент, что кожа у меня сухая, дряблая, что я играю в молодость, типа «я ещё ух», а в реальности просто уже не гожусь для того, чтобы меня желали.словно я умерла раньше времени.

Я открыла крышку ноутбука, открыла текст, который мне уже сегодня нужно отредактировать и сдать заказчику, но ни черта не могла разобрать. Буквы сливались, перемешивались, я даже не могла вникнуть в то, что здесь написано.

Я свернула окно программы и открыла пустой файл. Не знаю, сколько я просидела, бездумно глядя на чистый лист и мигающий курсор. Не знаю, зачем я вообще открыла чистый файл.

Пальцы сами легли на клавиатуру. И чистый лист, словно терпеливый психолог, к которому я пришла на приём, принял на себя все мои мысли, тревоги и переживания.

Я обрушила на этот чистый лист всё то, что накопилось, всё то, что рвалось из меня, но рассказать было некому.

И начала я с той фразы, что проскочила у меня в голове перед входом в кафе: *«В глазах других мы те, кто укладывается в их восприятие мира».*

Не знаю, сколько я стучала по клавиатуре. Очнулась только, когда вокруг меня зашумело. Я оторвала взгляд от экрана. Кафе уже открылось. От барной стойки ко мне плыл чудесный аромат свежемолотых кофейных зёрен.

Я скинула руку. Ко мне тут же подошёл официант.

— Кофе, пожалуйста, — чуть ли не взмолилась я.

— Капучино без корицы? — улыбнулся мне молоденький официант, прекрасно помнящий мои предпочтения.

Я только кивнула в ответ и, так и не успев погасить улыбку, глянула в окно.

Из подъезда вышел мой муж. Как-то странно огляделся, словно проверяя, не наблюдает ли кто за ним.

Я глянула на настенные часы. Восемь утра.

«И куда это ты, Гриша, намылился в такую рань в воскресенье?» — подумала я и хлопнула крышкой ноутбука, слезая с подоконника и ныряя ступнями в кроссовки.

Глава 3. Я тебя слышу

Я глянула из-за угла. Мой муж шагал, как я поняла к станции метро. «*Что ты делаешь, Леся?*», – спросила я сама себя, но не удержалась и все-таки двинулась за ним.

Под мышкой ноутбук, глаза краснющие из-за бессонной ночи, толком не прибранная – шпион самоучка блин.

Гриша скрылся за дверями, я шмыгнула за ним и пожалела, что сегодня не будний день, и нет той привычной толкотни в метро, когда можно запросто раствориться в толпе.

На платформе я встала за колонну. Зашипел и остановился поезд. Двери открылись, и я поспешила в соседний вагон.

Здесь я примостилась так, чтобы меня не было видно, но я видела выход из вагона, в которой вошел Гриша.

Вышел он уже через две станции. Я едва успела выскочить. На эскалаторе я чуть его не упустила. Пришлось встать на нижние ступеньки, только когда он доехал уже почти до середины. Чтобы перед нами оказались хоть какие-нибудь люди.

Я вышла из стеклянных дверей станции, и в тот же момент Гриша обернулся. Я тут же спряталась за информационную колонну.

Сердце колотилось так, будто я незнамо чем занималась. Будто я в каком-то шпионском сериале. Выглядело все это как минимум странно, а как максимум – полный бред.

Я выглянула из-за колонны. Гриша, перешел через дорогу по пешеходному переходу и вошел в здание под вывеску – ремонт телефонов.

«*Черт! Вот ты дура, Леся!*», – обругала я себя и понуро потопала обратно к метро.

В кармане ожил телефон. Такому раннему звонку от моей подруги Кристины я искренне удивилась. Та вообще раньше одиннадцати из кровати не выбирается. Это должны быть какие-то, ну очень чрезвычайные новости.

– Леся, привет, – голос у нее был уже бодрый и звонкий, – ты где?

– Привет, – я огляделась, соображая, а где я действительно, – я где-то здесь.

– Ты чего учудила? Гриша звонил, голос такой, будто умер кто-то. Чуть ли не умолял поговорить с тобой.

– Надо же, нашел себе адвоката, – хмыкнула я и добавила, – дьявола.

– Какого дьявола, Лесь? Говорит ты ушла куда-то в ночи, давай ко мне, реально там что ли бродила где-то всю ночь?

Домой мне идти в любом случае не хотелось. Вариант пойти к Кристине вполне себе. В общем-то, в любом случае, я собиралась к ней податься.

– Ладно, – согласилась я, – скоро буду.

С Кристиной мы ровесницы. Она уже давно не столько моя подруга, сколько практический родной человек. Сестра, так ее назвать будет точнее. Вместе еще со школы. Но при этом единомышленниками нас не назвать.

Я всегда немного витала в облаках, тогда как Кристина была женщиной приземленной, в самом хорошем смысле этого слова. Все у нее спорилось и горело в руках: крепкая семья, хорошая работа, воспитанные взрослые уже дети, да и сама она – воплощенная энергия.

Казалось, батарейка у нее не сядет никогда. И даже когда Кристину положат в гроб, они и оттуда будет распоряжаться, как правильно ее хоронить.

Кристина встретил меня в полуразобранном состоянии, или лучше сказать – в полусобранном.

Под глазами черные патчи, отчего она похожа на бешенную панду, нижняя часть лица покрыта болотного цвета и уже подсохшей маской, на голове тюрбан из полотенца, сама в домашних лосинах и футболке. Дива, что тут скажешь.

– Ну, проходи, чего зависла? – ей явно не терпелось поскорее услышать, что там у меня стряслось.

Я же наоборот не торопилась, медленно развязывала шнурки на кроссовках, тогда как обычно просто стягиваю их не развязывая.

Мы с Кристиной по-разному относились к нашему, как мы между собой называли, критическому возрасту. Сорок пять лет – уже не шутка для женщины. И если я больше налегала на физические упражнения, ходила в спортзал и, бывало, изматывала себя до невменяемого состояния, Кристина ратовала за различные чудесные средства и процедуры. Иногда мне казалась, что вся химическая и косметическая промышленность планеты не справляется с ее запросами.

Кристина с возрастом превратилась в этакую элегантную дамочку, что-то среднее между чуть увядшей голливудской дивой и русской бой бабой. Я же, наоборот, с годами отказалась от демонстративно ярких акцентов в макияже и одежде. Предпочитая выглядеть проще, но естественней. Я любила брючные костюмы, юбки или трикотажные платья с безразмерными пиджаками, не мудрила с прическами, волосы должны быть чистыми и блестящими – вот и вся премудрость. Вообще так получилось, что именно сейчас в сорок пять я чувствовала себя как никогда комфортно. словно наконец оказалась в той форме и возрасте, который отвечал моему внутреннему ощущению себя: я была в гармонии с собой, мне нравилось то, чем я занималась, я не хотела никому ничего доказать и никого завоевать.

Я нравилась себе. Да и если уж честно признаться, нравилась мужчинам. Я все еще собирала лайки в заинтересованных мужских взглядах. Или мне так казалось, потому что после случая с мужем я вдруг растерялась.

У Кристины особой гордостью была ее грудь, за которую она долго выплачивала кредит. Я холила и лелеяла свою филейную часть. Котора всем своим видом отрицала существование не только возраста как такового, но времени в принципе.

Кристина чуть ли не на аркане затащила меня в комнату и уселась перед зеркалом, собираясь наводить марафет.

Я уселась на диван и разговаривать мне пришлось с ее спиной и отражением в зеркале, в котором бешенная панда постепенно превращалась в человека.

– Что, прости, он делал? – рука с щеточкой для туши замерла в воздухе.

– Дрочил он, Крис. Дрочил так неистово будто в последний раз. А в телефоне вебкам-щица.

Меня передернуло, стоило мне только вспомнить ту сцену.

– Пфф... и все? Это все? Хочешь сказать ты из-за этого психанула? – щеточка для туши снова принялась за дело, а рот у Кристины автоматически открылся.

– Что значит это все? А разве недостаточно? – удивилась я ее реакции.

– Лесь, ты нормальная вообще? Да все мужики это делают. Что здесь такого? На вебкам-щиц, просто на порнуху. Ты будто в лесу жила всю свою жизнь и только сейчас очутилась в реальном мире. Очнись, Маугли! Мужики дрочат! Это аксиома.

– Не очень тебя понимаю, Крис...

Кристина выдохнула так, словно собиралась мне рассказать какую-то ну совсем очевидную истину и принялась рассказывать, не докрасив ресницы.

– Ладно, расскажу, ты думаешь это с тобой только случилось? Я тоже однажды поймала своего Костю на горяченьком. Не спорю, зрелище неприятное, но мы с Костей поговорила об этом. И вместо того, чтобы закатывать истерику и убегать в ночь, я попробовала понять его. И знаешь, у меня получилось. Ну, вот так он устроен. Вот так устроены мужики. Что здесь поделаешь? Можно только смириться.

Кристина снова принялась за ресницы.

– А можно и в свою пользу обернуть...

Она замолчала на мгновение, покончила с ресницами и повернулась ко мне.

– Я посмотрела эту его порнуху вместе с ним. Подметила, что именно ему по душе, я даже поинтересовалась какие порно звезды ему нравятся. Прониклась жанром, так сказать. И это неплохо так раскрасило нашу интимную жизнь, скажу я тебе. Да, сначала мне было непривычно заниматься этим под порно... ну, понимаешь, о чем я? Но теперь, мы с ним даже иногда повторяем, если Косте особо что-то понравится в порнушке.

Я слушала и пыталась уложить в голове то, что она мне рассказывала. Но как-то все это пока не укладывалось.

– Ладно, вот скажи, что ты собираешься делать? Разводиться из-за этого? И какой смысл? Думаешь, найдешь другого и тот не будет делать тоже самое? Или какой ты видишь выход?

– Я не знаю... – промямлила я, – не знаю, Крис. И почему если разводиться так обязательно для того, чтобы искать другого?

– Лесь, ну, ты серьезно, что ли? Разводиться? Но это же бред. Разводиться с человеком из-за того, что такова его сущность от природы? Ну, подумай сама! – Кристина говорила с таким нажимом, будто мне пыталась вдолбить какую-то мысль. Не очень на неё похоже, она чаще веселая и беззаботная, а сейчас словно даже агрессивная была, будто и для неё эта тема была раздражающей. Но я это уже потом осознала, когда ушла от нее.

– Я не знаю... – повторила я. – Правда не знаю, что делать.

– Ну, поговори с ним нормально, разберитесь как взрослые люди. Чудишь, ты, Лесья, точно тебе говорю.

Кристина сняла тюрбан из полотенца с головы и взяла фен.

Пока шумел фен, я думала над ее словами. Прокручивала в голове, снова и снова. Вспоминала эту свою дурацкую попытку проследить за мужем. И когда фен замолчал, уже и не знала, как теперь ко всему этому относиться. Может, я и правда себя накрутила?

А Кристина тут же снова взяла слово:

– И еще, Лесь, ты глянь на своего Гришу. Ну, отличный же мужик. Глянь как он выглядит, как держится. Подтянутый, ухоженный, еще полон сил. Он в свои пятьдесят фору некоторым тридцатилетним даст. И ты правда могла подумать, что с таким нужно разводиться из-за надуманной, на самом деле проблемы?

Да, Кристина была права. Гриша и правда хорош собой. Да, и любовь моя к нему никуда не делась из-за этой сцены в ванной. Да и может ли любовь просто взять и раствориться?

Через многое мы с Гришей прошли вместе. У нас взрослый двадцатилетний сын. Уже собирается жениться. И ведь отцовская порода. Такой же красавец, каким в молодости был Гриша.

Все у нас как у людей в общем. И до сегодняшней ночи, все казалось устойчивым и железобетонным. Не без проблем житейских, конечно, но и без потрясений.

Смириться? Так сказала Кристина, мне нужно смириться?

Только когда телефон ожил, я заметила, что все это время крутила его в руках. Звонил Гриша, починил уже свой телефон, получается.

Я смотрела на экран и никак не могла заставить себя снять трубку.

«Смириться? Мне нужно смириться? А с чем именно?», – неслось в голове.

Почему-то мне представилась картина, как мы с моим мужем занимаемся сексом под порно и меня передернуло.

Я все-таки ответила на звонок, и Кристина кивнула, будто одобряя.

– Лесь, милая, давай поговорим. Давай все обсудим, возвращайся домой, пожалуйста, ничего не произошло страшного, давай поговорим? – услышала я в трубку.

Я глянула на Кристину. Та пожала плечами и развела руки в стороны, дескать – ну, и чего ты молчишь?

– Слышишь меня, Лесья? – раздалось в трубке.

– Слышу... я тебя слышу, Гриша...

Глава 4. Белые розы

Домой я зашла со странным ощущением. Из-за разговора с Кристиной, из-за этой моей глупой попыткой проследить за мужем, ощущение было такое, что все в порядке, весь мир в порядке, и только у меня что-то клинануло в голове.

Гриша тут же вышел в прихожую.

– Леся, ну, чего ты чудишь, нервов никаких не хватит?

Я ничего не ответила, но подумала: «Если бы действительно нервничал, наверное, попробовал бы хоть для приличия поискать жену, которая ушла гордо в ночь».

Я разулась, прошла в комнату и положила ноутбук на свой рабочий стол. Покосилась на Гришин отремонтированный уже телефон и невольно поежилась. Словно боялась, что сейчас экран вспыхнет, а там его вебкамщица раком стоит.

Я села на диван, Гриша тут же подошел, опустился на корточки и положил мне руки на колени.

– Хорошая моя, прости меня, я debil, прости, я очень тебя люблю, ты же знаешь... Давай поговорим, чего ты молчишь?

– Я не знаю, что сказать, Гриша, все вроде бы уже сказала...

– Слушай, я все понимаю, тебе было неприятно, этого точно больше не повториться, я тебе обещаю.

Звучало странно. «Что именно он обещает, – подумала я, – обещает, что больше не будет онанировать на вебкамщицу, или в принципе больше не будет?». Верилось с трудом.

– Не обещай, того, что не сможешь сделать, – только и произнесла я.

– Ну, ты думаешь, я с собой что ли не справлюсь? Я не животное в конце концов.

Гриша поднялся на ноги и нервно стал мерять комнату шагами.

Я смотрела на него и мне казалось, что я гляжу не своими глазами, а будто со стороны. Я запоминала эту сцену и в голове даже мелькнуло несколько строчек, словно я собиралась все это записать на бумагу.

Я правда поднялась с дивана, открыла крышку ноутбука и запустила вордовский файл, в который строчила ночью в кафешке.

– Лесь, ты работать собралась? Сейчас? – услышала я за спиной. – Что-то настолько срочное?

Я стала читать первые строчки и только сейчас до меня дошло, что ночью настучала на клавиатуре не просто текст, а художественный. Читалось как первая глава книги.

Я поставила курсор в начало и написала – Как в жизни – роман – глава первая. Сохранила файл и закрыла крышку ноутбука.

Я крутанулась на компьютерном кресле и ответила, наконец, Грише.

– Нет, ничего срочного.

Гриша вдруг метнулся в нашу спальню и вышел оттуда с огромным шикарным букетом.

– Вот, Леся, твои любимые, прости меня, пожалуйста, бес попутал.

Я взяла цветы и вдохнула их аромат.

– Ты помнишь...

– Конечно помню, белые розы – твои любимые.

– Простишь?

Я ничего не ответила и поднялась, соображая, где у меня ваза.

На стол падали подрезанные концы роз, а я вспоминала самый первый букет, который подарил мне Гриша. Он не был такой шикарный, но зато был настоящим. Этот же, несмотря на всю свою красоту, казался холодным, будто цветы искусственным и слишком уж нарочитым.

Я определила цветы в вазу и не зная, что еще сказать, выдала невпопад:

– Не нужно было тратиться, и так денег толком нет.

– Зарплата на днях, нормально все, – отмахнулся Гриша.

– В этот раз тоже не полную выдадут? – спросила я.

– Да, на предприятии сейчас кризис, я тебе рассказывал, обещали потом все задолженности погасить, – как бы между делом ответил Гриша.

– Слушай, а ты не думал сменить работу? Вроде как ценный специалист, и, номинально отличный оклад. Только денег этих мы чего-то не видим. Сколько уже? Год? То штрафы какие-то, то кризисы, то еще что.

– Ну, Лесь. Бывают такие периоды, все наладится. Не думаю, что это правильно – скакать с места на место.

– Неправильно, что тебе постоянно недоплачивают, и если не заметил, недоплачивают большую часть...

Гриша подошел ко мне вплотную, положил руки на талию и прижал к себе.

– Не переживай, с этим я разберусь, ты простила меня?

Я положила голову ему на грудь, прислушиваясь к себе. И поняла, что мне нечего ему сказать.

Мне больше не хотелось все это обсуждать, не хотелось думать о произошедшем, но и просто сделать вид, что ничего не произошло, у меня точно не получится. Это я знала точно.

Гриша гладил меня по спине, а я ничего не чувствовала. Нет, я, конечно, ощущала эти нежные прикосновения, но тело вообще никак не реагировало.

– У меня еще сюрприз есть, – сказал Гриша, так и не дождавшись моего ответа, но, видимо, приняв молчание за ответ на его вопрос.

Он выпустил меня из рук.

– Сегодня вечером идем в ресторан, я заказал столик. В очень хороший ресторан. Приглашаю тебя на свидание.

Я снова машинально подумала про деньги, но ничего не сказала. В голове билась мысль, что все-таки нет у меня настолько серьезных причин, чтобы рушить нашу семью. И не дать ему возможность все исправить, пока это может быть еще возможно будет неправильно с моей стороны.

– Свидание, свидание – это хорошо... – я выдавила из себя улыбку.

Гриша тут же оживился. Не вооруженным глазом было видно, что он почувствовал такое облегчение, словно с него многотонную конструкцию сняли.

Давно я уже так не прихорашивалась: платье, выгодно подчеркивающее мою заднюю часть, которой я так гордилась, аккуратное декольте туфли на высоком каблуке, волосы распущены.

Я глянула на себя в зеркало, отмечая, что еще не потеряла своей привлекательности, несмотря на возраст. А если не лезть в ту лигу, где обитают молодые девицы и не пытаться сравнивать себя с ними, и, если уж себя оценивать, так только оглядываясь на ровесниц... что ж, здесь я точно в фаворит. Вот только делает ли еще мой муж на меня ставку? если продолжать эту аналогию?

Ресторан оказался и правда шикарный. Гриша не поскупился, а у меня снова в голову полезли мысли о деньгах, которых у нас постоянно впритык.

Я тряхнула головой, забрасывая волосы за спину, будто вместе с тем, стряхивая с себя эту тревожность.

«Черт возьми, попробуй уже получить от происходящего удовольствие, Лесья», – приказала я себе и опустила на стул.

К нам подошла молоденькая официантка и положила на стол меню. Для такого камерного заведения, как мне показалось, униформа у персонала казалась слегка чересчур: коротенькие юбочки и белые блузочки. Нашей официантке в груди эта блузка была явно тесновата.

Я заметила, как по ее груди скользнул Гришин взгляд. Но, наверное, было бы странно, если бы не скользнул. Слишком уж все бросалось в глаза.

Гриша открыл меню, но взгляд его был устремлен совсем не в него, он провожал взглядом официантку. Слишком долго провожал... пока не заметил, что я смотрю на него.

Тут же он опустил взгляд и принялся выбирать.

У меня во рту появился вкус горечи. Я попробовала открыть бутылку с водой, стоящую на столе. Ничего не выходило. Едва не сломала ноготь. Тут же подошла другая официантка и помогла мне с бутылкой. Она налила в бокал воды, лучезарно улыбнулась, а Гриша, кажется, снова забыл, про меню.

Все эти его взгляды... я бы, наверное, и внимания не обратила, будь это обычный вечер и не случись ничего до этого вечера.

Но сейчас внимание мое было обостренно до предела. Нет, я не старалась что-то специально разглядеть или притянуть ситуацию за уши. Теперь я попросту на могла не замечать.

И тут же мой образ в моих же глазах померк. Я вдруг вспомнила, что Гриша за этот вечер не сделал мне ни одного комплимента. А я старалась. И я знала, что выгляжу сейчас прекрасно.

Нет, мой муж только и зыркал на официанток. Казалось, он даже не осознает этого. Будто автоматически.

Мне уже не хотелось есть. Мне уже ничего не хотелось. И когда в очередной раз к нам подошла официантка, чтобы принять заказ, я едва не плеснула водой из бокала в лицо моему мужу.

Он улыбался ей и точно смотрел не в глаза. Он расправил плечи, сделался каким-то вальяжным и слегка пренебрежительным. Казалось, спроси его сейчас, что за дама с ним за столом и он запросто ответит – коллега по работе.

Конечно, если бы его об этом спросила эта официантка с пышной грудью.

Я сдвинула хрупкий бокал с такой силой, что он хрустнул.

– Черт! – воскликнула я и глянула на руку.

К счастью, не порезалась, но залила стол водой.

И только в этот момент, Гриша, наконец, отвлекся на меня.

– Леся... все хорошо, не порезалась?

Он попробовал взять мою ладонь, чтобы убедиться, но я тут же отдернула руку и вскочила с места.

– Ты куда? – с искренним удивлением спросил Гриша.

– В уборную, – бросила я через плечо, слатывая холодный ком в горле.

Я зашла в туалет и встала над раковиной пялясь на себя в зеркало на стене. В отражении я заметила, что здесь стены украшены сухоцветами из белых роз.

«Вот они – мои любимые белые розы, засохшие и в туалете. Самое место», – подумала я.

«Ты снова себя накручиваешь, Леся, – уговаривала я себя мысленно, – ну глянул он на молодуху, ты ее грудь видела? А ноги? Гриша мужик, просто мужик, у них функция такая, он, наверное, даже не осознавал, что пялится. Чего ты опять взъершилась?».

Но уговорить себя у меня не получалось.

Что-то кольнуло в ладони. Я глянула. Крохотный осколок стекла все-таки врезался в кожу. Совсем не глубоко, но неприятно.

Я вытащила осколок. На ладони появилась маленькая рубиновая капелька. Я внимательно ее разглядывала, словно что-то диковинное.

Промокнув капельку салфеткой, помыла руки и решила:

«Ладно, нужно просто вернуться и не плодить лишних сущностей. Я и правда себя накрутила. Все теперь мне не кажется тем, что есть на самом деле, даже то, что по факту вообще не стоит внимания».

Я вышла из уборной и направилась к столу. И надо же, Гриша, кажется, так и не определился с выбором.

Он что-то выпрашивал у официантки, и чтобы я там только, что не решила, это уже было чересчур.

Кажется, мой муж забыл зачем здесь и с кем он здесь. Первым порывом было уйти прямо сейчас. Но я все же себя пересилила и села обратно с мыслью: «Так всегда было? Он всего себя так вел, и я не замечала, или когда это начало происходить?».

Официантка отчалила от стола, повиливая свой кормой, а Гриша закрыл меню и одарил меня улыбкой. В его глазах, в этой улыбке вообще не было даже намека на то, что он заметил моего настроения.

Это обезоруживало. В одно мгновение я даже себя почувствовала немного ненормальной из-за этой своей подозрительности и раздражительности.

«Что же меня качает из стороны в сторону», – подумала я, глубоко вдохнула и выдохнула, улыбаясь в ответ Грише и, давая еще один шанс этому вечеру.

– Ты шикарно сегодня выглядишь, – сказал Гриша и взял в руки бутылку вина.

– Спасибо, – ответила я.

Все же он отметил. Мне даже будто сделалось немного полегче.

Бокал мне уже заменили. Вот официанта уже несет какие-то закуски к вину. Я так ничего и не выбрала, видимо, Гриша взял этот вопрос на себя.

Красное вино, такого же рубинового цвета как та капля на ладони, полилось в бокалы.

Я намеренно опустила взгляд, чтобы больше не цепляться за Гришины переглядки. Лучше вообще не видеть, чем раз за разом дергаться.

– За мою прекрасную жену, – Гриша поднял бокал.

Я подняла свой.

Мы выпили.

– Гриш, а я тебе еще нравлюсь хоть немного? – спросила я и поставила бокал.

– В каком смысле? – Гриша дернул в удивлении бровью.

– В прямом. Как женщина. Я нравлюсь тебе?

– Лесь, ну, что за глупый вопрос, конечно, нравишься.

Мне не хотелось портить вечер. Даже учитывая, что для меня он уже был испорчен, я и правда думала, что его еще можно спасти.

Но вопросы эти вырывались из меня даже против воли.

– Тогда почему у нас нет секса? Мы же еще не старые, Гриша. Сможешь вспомнить, когда это было в последний раз?

– Не самое удачное место, чтобы об этом поговорить, Лесь, – Гриша подлил себе вина в бокал.

– Да плевать...

– Дело во мне да? Ты просто не хочешь меня? Я для тебя просто родственник? Сожитель? И тебе больше по душе самоудовлетворяться, чем со мной да, Гриш?

– Ну, что ты такое говоришь? Нет, конечно, хочешь по второму кругу запустить эту тему? Вроде бы решили все.

– А, что мы решили? – спросила я и отпила еще вина.

– Ты сказала, что простила.

– Я ничего не сказала, Гриша, ответь на вопрос, это так сложно?

Как чертик из табакерки перед столом появилась официантка.

– Горячее по мере готовности? – прозвенела она своим голосом.

Я в упор смотрела на Гришу скрестив на груди руки.

– Я тебе, что и себе заказал, ты же не против? – спросил он меня, и не дождавшись моего ответа, улыбнулся официантке и стал что-то еще спрашивать по меню.

Я в один прием допила остатки вина в бокале и поднялась из-за стола.

– Леся, ты куда? – всполошился Гриша.

– Душно мне что-то, – бросила я и поспешила на выход.

Высочив на улицу, я тут же вызвала такси через приложение. Гриша вылетел за мной.

– Леся, ну, что опять случилось? Что я не так сделал? – в его голосе звучало искреннее непонимание.

– Все нормально, Гриша, ничего ты не сделал. Просто я хочу домой, – ответила я а сама подумала: «Где это чертово такси?».

– Да, как ничего? Чего ты тогда психанула?

Я глянула на экран телефона: «Водитель будет у вас через три минуты».

– Да что-то как-то вот так...

– Как так? Леся, я правда не понимаю. Ты все еще злишься? – Гриша все пытался заглянуть мне в глаза, я же пялилась на экран телефона: «Водитель будет у вас через две минуты».

– Не поели, не допили, и заказ уже не отменить, давай вернемся?

– Я хочу домой.

– Ну, хорошо, подожди немного, я скажу, чтобы с собой все собрали, подождешь?

Я ничего не ответила, Гриша решил, что это согласие.

Он вернулся в ресторан. Тут же я представила, как он сейчас снова распустил слюни на официанток.

«Водитель будет у вас через одну минуту».

– Где эта чертова машина? – спросила я, глянув в сумрачное небо.

И тут же, будто небеса, наконец, смиростивились, рядом со мной остановилась машина.

Я скользнула в спасительную темноту салона и устроилась на заднем сиденье. В тот же момент из ресторана вышел Гриша с пакетами в руках и недоуменно проводил машину взглядом.

Не знаю куда я так бежала. Не знаю, что меня толкало в спину и зачем торопилась. Я открыла дверь квартиры, понимая, что сейчас уже скоро появится и Гриша. И что это было? Что за экспромт с моей стороны? В чем смысл?

Я скинула туфли, сняла с себя платье будто содрала чужую шкуру и натянула уютные домашние штаны и толстовку.

Я села за стол, устроившись с ногами на компьютерном кресле и открыла крышку ноутбука. Заткнула уши наушниками. Брякнуло блютуз подключение.

Я включила свой любимый плейлист, и запустила вордовский файл.

Ничего и никого не хочу слышать. Только музыка. Не хочу никого видеть. Только белый лист и постепенно заполняющие его буквы.

Я глянула на стоящую тут же на столе вазу с букетом белых роз. Схватила ее, вскочила и рванула на кухню.

Букет отправился в мусорный пакет вместе с вазой. Я только вылила из нее воду в раковину.

– Ненавижу белые розы! – прошипела я и услышала, как щелкнул замок входной двери.

«Ну, почему так быстро?! Почему он вернулся так быстро?», – спросила я мысленно неведомо кого.

– Леся, ты дома? Леся, возьми пакеты, пожалуйста, – услышала я его голос и почему-то этот знакомый, близкий и красивый Гришин голос произвел на меня такой же эффект, как если бы кто-то вилок по тарелке поскреб.

Я снова забралась на стул, надела наушники и врубил музыка на всю катушку.

Но не помогло, через минуту мне на плечо опустилась Гришина рука.

Глава 5. Счастье в неведении

Я вскочила, сбрасывая его руку с плеча.

– Леся, ты чего? На что ты опять злишься? Что я опять сделал не так? – Гриша интонацией подчеркнул это самое «опять».

Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять – в его глазах я попросту из пальца высасываю несуществующие проблемы, и он даже не подозревает в чем эти проблемы заключаются.

Я прошла мимо него на кухню и щелкнула кнопкой чайника.

– Тебе там не понравилось или что? – спросил Гриша.

– Не понравилось, точно, – ухмыльнулась я.

– Так могли бы в другое место пойти, сказала бы, – он только недоуменно пожал плечами.

Я смотрела на Гришу и чувствовала, как во мне закипает такая злость, что хотелось разорваться, ударится в истерику, и я едва держалась. Чайник закипел, а мне казалось, что это закипела моя голова.

– А почему ты именно тот ресторан выбрал? Дорогой, кстати. Завсегдатай? Не по зарплате местечко. Или тебе официантки приглянулись?

– М... так вот в чем дело...

– И в чем же по-твоему?

– Ты все из-за зарплаты переживаешь? В этом месяце премия будет, не волнуйся.

«Он специально пропустил мимо ушей про официанток?», – мелькнуло в голове.

– Прошлый раз тоже премию обещали, да что-то мы так ее и не увидели.

– Я же объяснял... Леся, тебе не кажется, что ты уже на ровном месте стартуешь. Ладно, хорошо, я облажался, если честно, я до сих пор не понимаю, чего тебя так от этого разрывает...

– Гриша опустил на стул, – но ладно, я принял, принял, что не могу залезть в твою голову и увидеть это так, как видишь ты. Но вроде бы разобрались. Так, что? Ты теперь будешь постоянно на взводе? И по любому поводу вцепляться в мозг?

– Вцепляться в мозг? Ты серьезно? Да ты в этом ресторане ни одну официантку мимо не пропустил. У тебя же слюни почти текли по подбородку, Гриша! Ты пришел с женой, так какого, объясни мне... – я осеклась, не в состоянии правильно сформулировать.

– Леся, ты придумываешь, ни на кого я не глазел, чего ты придумываешь? – как ни в чем ни бывало отмахнулся Гриша.

Он сказал это так, что я даже опешила и тут же почувствовала себя дурой.

– Придумываю значит. Ну, хорошо, придумываю так придумываю. Я вообще много себе в последнее время, по всей видимости, придумываю. Придумываю, что у нас нет никакой близости, придумываю, что вместо того, чтобы трахнуть жену, ты дрожишь в ванной на каких-то шлюх, придумываю, что у тебя черте что творится на работе и твоей зарплаты мы не видим, кстати, на ресторан откуда деньги? Банк ограбил?

– Ого сколько оказывается у тебя претензий. А чего молчала? Чего тебя только сейчас прорвало?

Ненавижу эту его привычку отвечать вопросом на вопрос.

– А ты догадайся, Гриша.

– Да чего мне гадать? Ты скажи, как есть. В сексе дело?

– Какой же ты все-таки дремучий, Гриша, сил у меня уже нет ничего объяснять, давай закончим. Я устала.

Я снова нажала на кнопку чертова чайника и стала шарить по шкафчикам в поисках заварки.

– Устала так устала, я вообще не собирался ни о чем таком говорить, – Гриша поднялся и вышел из кухни.

Я услышала, как ванной зашумела вода. Машинально я прошла в комнату и огляделась в поисках его телефона. Мне не нужен был сам телефон, хотелось убедиться, что он пошел в ванную с ним, или убедиться в обратном.

Ощущение было такое, что теперь каждый раз, когда мой муж будет уходить в ванную, я буду думать, что он туда ушел только для одного...

Телефон лежал вместе с его скинутым на кресло пиджаком. Меня даже как будто немного отпустило: «Ты уже совсем загналась», – попыталась я себя успокоить и вернулась за стол к ноутбуку.

«Мужское слово веское только до тех пор, пока мужчина не совершает легковесных поступков», – настычала я на клавиатуре и провалилась в появляющийся на экране текст. Очнувшись только, когда Гриша вышел из ванной и начал укладываться в постель.

Уснул он быстро. Я же ворочалась и не могла сомкнуть глаз. Прислушиваясь к его спокойному дыханию, мне хотелось выкинуть все тревожащие мысли из головы и просто прижаться к нему всем телом.

Хотелось почувствовать тепло, почувствовать, что я еще для него самая лучшая, самая желанная, такая какой я была, когда мы только поженились. Мужики они все такие – говорила мне Кристина. Но если они все такие, значит они на протяжении всей жизни такие? Так почему тогда не видела я раньше, чтобы Гриша вообще на кого-то смотрел? Должна же была заметить.

Но нет, он так раньше себя не вел. Или все же...? Черт! Я не удержалась протянула руку и взяла его телефон. Тыкнула в экран. Телефон предложил ввести пароль. Как давно он установил пароль? Я никогда не лезла в телефон мужа. У меня даже желания такого не возникало. Но все же казалось, что пароля у него не стояло.

Гриша перевернулся на спину. Я замерла. Но он не проснулся. Я осторожно взяла двумя пальцами его большой палец и поднесла телефон сканером отпечатков к подушечке. Сработало, телефон разблокировался.

Первым делом я нырнула в последние вызовы. Здесь ничего непривычного не заметила. Следом в сообщения. И здесь ничего особенного. Я прошерстила историю браузера, галерею, папку загрузок, но ничего не обнаружила такого, чего нет в любом телефоне.

«Ты точно сходишь с ума, Леся», – подумала я. Я даже улыбнулась этой мысли. Все как-то разом стало проще, и меня даже кольнула совесть из-за того, что я так набросилась на Гришу.

Уже обрадовавшись, что ничего предвещательного в телефоне Гриши нет, я полезла в его соцсети. В уведомлениях и мессенджерах ничего особенного.

Оставалось только пролистать ленту и глянуть комментарии.

Вот не даром говорят – счастье в неведении.

Лучше бы я этого не делала! Ничего не делала! Не заходила в ванную в неподходящий момент, не пошла бы в этот долбанный ресторан и не брала в руки проклятый Гришин телефон!

В его ленте оказался один сплошной поток женских фотографий и видео. И везде Гриша успел оставить свой след: здесь лайк, здесь комментарий.

И все как на подбор: молоденькие да грудастые, перекачанные губы, переделанные носы. На это попросту было противно смотреть. Даже с эстетической точки зрения.

Ладно там девицы молодые, это их молодое дело, но вот пятидесятилетний мужик, пускающий на них слюни – это отвратительно, в этом есть что-то ненормальное. Не сам факт, что он их разглядывает, а все эти комментарии и лайки.

Я невольно вспомнила себя двадцатилетнюю. Бывало, я тоже ловила на себе такие взгляды проходящих мимо возрастных мужчин. И ничего кроме неловкости и брезгливости не чувствовала.

Если тридцатилетние мужчины мне уже казались староватыми, что уж говорить о пятидесятилетних. Так и хотелось спросить: «Вам чем-то помочь дедушка? Так смотрите на меня. Может через дорогу перевести?».

Всему свое время. И все должно быть вовремя и к месту. Мне даже стало стыдно за моего мужа перед этими молодыми девицами. Тот самый испанский стыд. Делает он, а стыдно мне.

Мне физически было противно держать его телефон в руках.

Я сунула его Грише под подушку. Конечно, сна как ни бывало. Я поднялась с кровати, осторожно, чтобы его не разбудить. Меньше всего мне сейчас хотелось о чем-либо разговаривать с Гришей или слушать его оправдания.

Мне нужно было это как-то переварить. Ощущение такое, словно реальность дала сбой в тот момент, когда я застала Гришу в ванной, и теперь все будет трещать по швам, пока не достигнет критической массы и не похоронит меня под обломками этой реальности.

Какое-то иррациональное чувство дернуло меня снова взять его телефон. Снова я сняла блокировку, коснувшись сенсором подушечки пальца Гриши. Я запустила браузер и убедилась, что тот прицеплен к гугл аккаунту. Щелкнула по аватарке и перешла в настройки профиля.

Я нашла вкладку – синхронизация и глянула на привязанные к аккаунту устройства. Вот Гришин телефон, вот домашний компьютер и компьютер на работе. Тут же присоединился планшет. И планшета я у никогда не видела. Возможно тоже рабочий, но подозрительность моя достигла уже такого уровня, что, если я прямо сейчас не выясню еще хоть что-нибудь, у меня точно поедет крыша.

Вернув телефон на место, я глянула на спящего мужа. Странное ощущение, но он казался мне совсем чужим. Словно я больше не знаю, что это за человек, что у него в душе, что у него в голове и чем он вообще живет.

А ведь еще несколько дней назад, мне казалось, что мы с ним знаем друг друга лучше, чем знаем сами себя. Казалось, что мы уже давно стали одним целым, чем-то единым, понятным и близкими настолько, что ближе уже невозможно.

И вот пожалуйста. Все это оказалось иллюзией.

Я на цыпочках вышла из комнаты, тихонько оделась, нашла ключи от Гришиной машины, выбралась из квартиры и зажмурилась, когда закрывала за собой дверь, будто это поможет сделать все как можно тише.

Я забралась в машину, огляделась и открыла бардачок. Почему-то у меня тут же похолодело в груди. Еще ничего не произошло. Планшет и планшет, мало ли зачем он Грише нужен. Но когда я протянула к нему руку, заметила, что пальцы подрагивают.

«Только бы не запаролен», – мелькнула мысль.

Я нажала кнопку включения и мазнула пальцем по экрану. Планшет разблокировался. Я с облегчением выдохнула.

Найдя значок файлового менеджера, я полезла шарить по папкам, не соображая, что именно я хочу найти. Но долго искать не пришлось. В первой же папке на карте памяти – самой тяжелой, аж на сто с лишним гигабайт я обнаружила хранилище скачанного порно.

На планшете история браузера была забита ссылками на порно сайты, по которым я даже не рискнула переходить. И так все было понятно.

Я ткнула в значок мессенджера и обнаружила переписку. С несколькими девицами сразу. Перед глазами затуманилось, словно я смотрела через полиэтиленовый пакет. Заметив иконку банковского приложения отличного от того, что стоит у Гриши на телефоне, я тыкнула и в нее.

– Вот, где она – зарплата, – сказала я вслух, но шепотом, словно боялась, что меня кто-то услышит.

Я глянула историю последних транзакций. Сплошные онлайн оплаты и куча каких-то переводов. Суммы не то, чтобы большие, но многочисленные и потому по итогу все равно выходила внушительная цифра.

На экране всплыло окошко с таймером обратного отсчета: «Батарея разряжена, устройство будет выключено через 29 секунд».

Пошарив в бардачке, зарядки я не обнаружила. Я не успела запомнить никаких номеров, на которые он переводил деньги, ничего. Планшет погас. И вместе с ним, и во мне что-то погасло.

Мне почему-то враз сделалось все безразличным. Я понимала, что это временно, что еще немного и у меня случится нервный срыв. Я сидела в машине на пассажирском сиденье без сил, будто марафонскую дистанцию пробежала и бездумно смотрела вперед через лобовое стекло.

Почему-то стало жалко себя. Но я тут же тряхнула головой, сунула планшет под мышку и выбралась наружу. Глянула на окна нашей квартиры и, наверное, впервые в жизни пожалела, что не богата, что нет у меня своей отдельной квартиры, что нет столько денег, чтобы просто сесть на самолет, улететь куда подальше и просто начать новую жизнь.

Нет, мне просто так от земли не оторваться. Жизнь она не так устроена, чтобы можно было как в дурном кино, все взять бросить и начать жизнь заново.

Или нет? Или жизнь это и есть – дурное кино? Жалко, что я в этом дурном кино не зритель, а главный персонаж. Это драма? Это триллер? Нет, черт возьми, это какая-то тупая и бессмысленная комедия.

Что ж, пусть зрители посмотрят на нашу нелепую актерскую игру, на наши кривляния. «Пойду, покривляюсь, нужно отыграть роль до конца, иначе это кино никогда не закончится», – с этой мыслью я зашла в подъезд и стала подниматься по лестнице к дверям нашей квартиры.

Глава 6. Доверие

Я устроилась на кухне с ноутбуком, а Гришин планшет поставила на зарядку.

В душе было настолько пусто, что казалось там гуляет ветер и гоняет туда-сюда высохшее перекати-поле.

Какой-то бред. Мой Гриша, он же такой всегда был достойный мужчина. Сильный, уверенный в себе, красивый, внимательный, обходительный. Что с ним случилось? Ладно бы он был одинок, я даже не знаю, ну, потребности там у него мужские и увлекся порнухой.

Но при жене, в таком вроде бы уже серьезном возрасте. Что это вообще такое?

Дело во мне? Я не привлекаю его вообще, как женщина? Я настолько уже вышла в тираж? Да, нет, черт подери! Я могу взглянуть на себя объективно. Я не выгляжу сильно моложе своих лет, но и старше, чем есть не выгляжу. Я еще привлекательна. Я слежу за собой в конце концов! Так почему он ведет себя словно прыщавый пубертатный юноша?

Я включила ноутбук и запустила файл.

«Как хорошо мы знаем людей, которые рядом с нами? Как хорошо мы знаем тех, кого любим?», – написала я.

Я вспомнила свои самые первые попытки написать книгу. Это было так давно. Мне было девятнадцать. И я на полном серьезе считала, что стану знаменитым писателем. Этой мечтой и жила.

Но жизнь быстро расставила приоритеты. Я закончила филологический, получила второй высшее в Литературном институте имени Горького и стала редактором.

Еще в ковидные времена, как ушла на удаленку, так и осталась. Бесконечно число чужих рукописей прошло через меня, а мечта – самой стать писателем, давно уже похоронена под ворохом житейских проблем.

И вот я снова пытаюсь писать. Я даже и не собиралась. Тогда, в ту ночь в кафе из меня просто полилось, я выговаривалась белому листу. И сейчас, пробежав взглядом по строчкам, я поняла, что мне нравится, то, что получается.

Нравится почти так же, как в девятнадцать нравилось вообще все, что писала. Но теперь я могу судить и с профессиональной точки зрения.

Пальцы летали над клавиатурой. Уже рассветное солнце заглянуло в окно. Третья кружка с кофе уже допита, а я все пишу. На голове наушники, в ушах Лана Дель Рей. И мир на мгновение перестал существовать.

Я даже не заметила, как проснулся Гриша. Он появился на кухне и замер истуканом, глядя на заряжающийся на столе планшет.

Я продолжала клацать по клавиатуре. Гриша опустил на стул, уперся локтями в колени и обхватил голову руками.

Он не пытался меня отвлечь или заговорить. Он просто так и сидел, будто в ожидании, когда я обращу на него внимание. К планшету не прикасался.

«Тоже мне, роденовский мыслитель», – подумала я, когда заметила краем глаза, что он сменил позу и теперь сидит, упершись подбородком в кулак.

Я дописала еще одно предложение, поставила точку и закрыла крышку ноутбука.

Сняла наушники и глянула на Гришу.

Он поднял на меня взгляд побитой собаки. Я ожидала, что он сейчас пустится в какие-нибудь рассуждения или попытается как-то оправдаться, но Гриша только сказал:

– Прости, Леся...

– Снова? По второму кругу? – ответила я вопросом на вопрос.

– У меня нет этому объяснения...

– Я вижу, а мне нечего тебе больше сказать.

– Лесь, я все удалю, выкину вообще этот планшет.
– А с головой, что делать? – спросила я, – тоже выкинешь? Мозг отформатируешь?
– И с головой, что-нибудь сделаем, – задумчиво произнес Гриша, словно его только что осенило. – Лесь, давай сходим к психологу?
– Мне-то зачем? Я на головушку не жалуюсь.
– Я сам схожу, я понимаю, что это ненормально, правда понимаю. У меня точно проблема...

Эти его слова, признаться, обезоружили меня. Пока он все отрицал, пока пытался мне навязать, что происходящее – это нормально, у меня все внутри кипело от негодования.

Но сейчас... сейчас разом все изменилось. Нет, конечно, я не воспыкала всепрощением, но, если человек, близкий, любимый в конце концов человек и правда нуждается в помощи? Наверное, уже с моей стороны будет свинством отвернуться от него.

Я глубоко вдохнула, выдохнула и спросила, словно хотела убедиться, что он не ляпнул это просто так, только чтобы замять конфликт:

– Правда сходишь?

– Правда, Лесь! – Гриша тут же оживился.

Он взял меня за руку и заглянул в глаза. В этот раз я ее не отдернула.

– Я все сделаю, чтобы у нас наладилось, я тебя очень люблю, Лесь, дай мне возможность разобраться с этим.

– А, что на счет денег? Что с этим обманом делать? Мы с тобой от зарплаты до зарплаты перебиваемся, ты мне лапшу на уши вешаешь, дескать, проблемы на работе, а оказывается, ты тратишь на эту мерзость, большую часть того, что мог бы тратить на семью. Что с этим Гриша?

На самом деле я еще не знала точно, на что именно он тратит. Переводы я видела, но не разбиралась куда эти переводы уходили.

– Так это одно к одному... это будто зависимость какая-то.

– Я подумаю, Гриша, я правда подумаю, – ответила я и отвернулась, чтобы не смотреть на его печальное лицо.

Гриша поднялся и вышел из кухни, а я снова открыла ноутбук.

«Что такое доверие? Как научиться доверять, когда однажды уже был обманут? Наверное, можно снова довериться тому, кто тебя обманул, только если опираться не на его слова, а на его поступки».

Я закрыла крышку ноутбука, зашла в комнату и сунула нос в шкаф: достала широкие брюки-палаццо из шелковой серой ткани, обтягивающую кофточку с открытыми плечами, массивный пояс, подчеркивающий талию – и вот я уже и собрана. Я нанесла на лицо бб-крем, жидкие румяна, мазнула хайлатером по скулам и векам и покрасила ресницы. И застыла перед зеркалом, пытаюсь объективно оценить себя. Достаточно ли я еще привлекательна? Может, я чего-то не вижу в себе, может, я стерта из мира мужчин, которых волнуют женщины? Я взялась было за черную подводку, чтобы добавить себе яркости и остроты, но подводка давно была засохшей, да и к черту её.

Можно выдвигаться.

Решение я приняла, как только закрыла файл. Я больше не хочу работать из дома. Мне нужно пространство, мне нужно сменить распорядок, сменить обстановку.

Не думаю, что мне составит труда, убедить главного редактора нашего издательства, что пора уже возвращать мне мой уютный стол в самом углу опенспейса.

– Ты куда? – спросил Гриша, когда я уже была в дверях.

– На работу, – бросила я через плечо, дай мой ноутбук, на кухне забыла.

Гриша принес и протянул мне ноут.

– А зачем? Ты же давно уже не появляешься в офисе?

– Хочу я так, Гриша, можно?

Он только пожал плечами. Я видела, что ему не нравится то, что я делаю, но он был не в том положении, чтобы настаивать на чем-либо.

А я не в том состоянии сейчас, чтобы прислушиваться к его мнению.

Я прошла через турникеты. Охранник слишком долго провожал меня взглядом, я обернулась через плечо на ходу и поймала его взгляд на своей пятой точке.

«Что ж, – отметила я про себя, – хоть кто-то на меня еще смотрит». Я тыкнула в кнопку вызова лифта и прислушалась к себе.

Эта высотка в Москва-Сити, где расположилось наше издательство, раньше, мне так казалось, давила на меня своей громадой. Слишком много людей, этот постоянный фоновый гул, но сейчас мне это даже нравилось. То ли я засиделась дома на удаленке, то ли сам факт, что гул этого муравейника мешает погрузиться в свои мысли, сейчас действовал на меня исцеляюще.

Я продефелировала по опенспейсу до того самого угла, где притаилось мое уютное рабочее место и уселась на кресло.

– Госпожа Крутикова, собственной персоной, – услышала я над собой.

Наш главный редактор на которого мы все здесь молились – настоящая легенда и человек которого я безмерно уважала, смотрел на меня улыбаясь в свою седую бороду.

– Петр Михайлович, – я поднялась с места, – я это...

– Рад видеть Леся, – он оглядел меня с ног до головы, словно провел ревизию.

Петру Михайловичу уже было за семьдесят, и мне даже стало немного неловко от такого его пристального взгляда, но я не подала виду.

– Я хочу с удаленки вернуться в офис, – сказала я и опустила обратно на кресло.

– Одобряю, – хмыкнул он, – но есть момент...

Я тут же напряглась. Больше всего мне сейчас не хотелось услышать, что это невозможно или что-то в этом роде. Но Петр Михайлович меня успокоил:

– Давай так, недели через две, максимум через три, как раз запускаем большой проект, чтобы мне тебя сейчас не заваливать текучкой, разгребись с теми задачами, что у тебя сейчас есть к тому времени и начнем.

Когда он сказал: «Разгребись с задачами, что у тебя сейчас есть», – я подумала совсем не о работе. Мне даже стало не по себе. Будто у меня на лице было написано, что у меня кавардак в личной жизни.

Пауза затянулась.

– Что-то не так, Леся? – спросил главред.

– Нет, Петр Михайлович, все нормально, я поняла, я сегодня здесь поработаю?

– Ну, конечно, какие вопросы.

Он ушел к себе в кабинет, а я открыла крышку ноутбука и запустила вордовский файл, в который писала свои заметки, еще не представляя, что из этого выйдет.

Чистый лист снова звал меня выплеснуть на него все, что накопилось и пальцы сами по себе легли на клавиатуру.

«Наверное, меня бы не тревожил мой возраст, если бы он не менялся каждый день», – написала я строчку и провалилась в текст, появляющийся на экране, будто сам по себе и без моего участия.

Глава 7. Еще одна бессонная ночь

Уже две недели, как Гриша исправно ходит к психологу. Признаться, впечатлил. Я до конца не верила, что он и правда решится.

Нужно было видеть, как он собирался в первый день – будто на казнь. В принципе, я его понимала. Выворачивать душу на изнанку чужому человеку, пускай даже профессионалу, не такая уж простая задача. Особенно, учитывая деликатность вопроса.

Но Гриша справился, и у меня даже мелькнула надежда, что у нас еще все наладится.

На работе меня приняли с распростертыми объятьями. И тут же завалили текучкой. Все-таки на удаленке поток рукописей у меня был меньше. Но я была рада тому, что могу с головой уйти в работу.

Это тоже была для меня своего рода терапия, и вот сегодня, как раз в последний день первого Гришина двухнедельного забега у мозгоправа, я решила, что пришел мой черед сделать хоть что-нибудь для того, чтобы все не полетело в тартарары в наших с ним отношениях.

Не сказать, что это была изначально моя мысль. Не обошлось без моей подруги Кристины. Ей почему-то не давала покоя то, что я ей рассказала про Гришу. В том смысле, что она всеми силами до сих пор старалась убедить меня, что проблема по большей части в моей голове, нежели в его.

Буквально вчера, когда я заглянула к ней после работы, Кристина с видом человека, разбирающегося в вопросе, спросила:

– А сама то как? Ты сама, что-нибудь делаешь, чтобы все у вас наладилось? Помнишь я тебе рассказывала про нас с Костей? Знаешь, если бы я первый шаг не сделала, еще не известно, как бы оно все вышло.

– Какой первый шаг, Кристина? Мой первый шаг заключался в том, что я как-то это пережила вообще, недостаточно?

– Точно недостаточно, достаточно, это когда Гриша убедится, что его настоящая женщина лучше, чем виртуальные.

– Мне еще нужно убеждать его в этом? А так не очевидно?

– Странная ты, ну, видимо, не очевидно, если он так увлекся. Ты хоть глянула, что именно он смотрел?

– Зачем?! – вскинулась я, – я не собираюсь смотреть эту мерзость!

– Узнала бы, что именно ему нравится и как нравится, почему нет? Мужики они же очень просто устроены, Леся, тем более, когда уже не молоды. Ну, дай ты ему так, он хочет, прояви инициативу, сама удивишься, что из этого может получиться. В конце концов, для себя же, – Кристина заговорщически мне подмигнула.

Была в ее словах доля истины. Где-то я читала, что отношения – это, когда двое двигаются навстречу друг другу и должны встретиться на середине. И если один стоит, тогда и на середине окажется только кто-то один.

С этого последнего сеанса Гриша вернулся в приподнятом настроении. Домой вернулся поздно, с бутылкой вина и букетом цветов. Ситуация располагала.

И пока он был в душе, я сидела и смотрела на комплект нового кружевного белья, купленный заходя, и почему-то никак не могла решиться примерить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.